

ТОМСКИЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.
Цена годовому изданію пять руб-
лей серебромъ съ пересылкою.

№ 17.

Подписки принимаются въ редакціи
Томскихъ епархіальныхъ вѣдомо-
стей, при Томской Семинаріи.

ГОДЪ 1 сентября 1890 года. XI.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Послучаю чудеснаго событія 17 октября 1888 года къ Гос-
подину Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода поступило, въ
числѣ прочихъ Преосвященныхъ Епископовъ, донесеніе и отъ
Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Исаакія, Епископа
Томскаго и Семипалатинскаго, о томъ, что въ память и въ
ознаменованіе означеннаго событія:

а) Жители г. Томска изъявили желаніе соорудить икону съ
ликамы святыхъ, имена коихъ носятъ Члены Августѣйшаго
Семейства, а также и святыхъ, празднуемыхъ церковью 17-го
октября, съ тѣмъ, чтобы каждагодно въ этотъ день съ крест-
нымъ ходомъ изъ кафедральнаго собора и всѣхъ церквей го-
рода на площади, у часовни Иверской Божіей Матери, гдѣ
назначено и всегдашнее мѣсто-пробываніе иконы, было совер-
шаемо общенародное благодарственное молебствіе. На устрой-
ство означенной иконы собрано пожертвованій 1614 руб.;

б) Бійскій 1-й гильдіи купецъ Яковъ Сахаровъ устроилъ на
собственные средства домовую церковь во имя святыхъ Космы
и Даміана въ Бійскомъ тюремномъ замкѣ, съ приобрѣтеніемъ
всей церковной утвари;

в) Государственные крестьяне деревни Пѣтуховой, Спасской волости, Томскаго округа, приговоромъ постановили построить въ своей деревнѣ на собственные средства деревянную церковь, съ постановкою въ ней иконы съ ликами святыхъ, имена коихъ носить Члены Августѣйнаго Семейства, а также святыхъ, празднуемыхъ 17 октября, съ тѣмъ, чтобы ежегодно въ сей день совершать благодарственное молебствіе и не заниматься повседневными работами;

г) Прихожане Николаевской церкви села Усть-Искитимскаго, Кузнецкаго округа, изъявили желаніе построить деревянную же церковь на каменномъ фундаментѣ, причемъ камень и строевой лѣсъ съ доставкою на мѣсто постройки обязательно привяли на свой счетъ;

и д) Священникъ Троицкой церкви, села Тюменцевскаго, Томской епархіи, Іоаннъ Деидеріевъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 200 рублей на расширеніе малопомѣстительнаго Іоанно-Богословскаго храма въ селѣ Корниловскомъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ, а равно и о другихъ пожертвованіяхъ сдѣланныхъ разными лицами въ память событія 17-го октября, Господина Суподальнаго Оберъ-Прокурора, Его Императорскому Величеству, въ 9-й день іюни 1890 г., благоугодно было собственноручно начертать: *«Искренно благодаримъ всѣхъ»*.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отъ 13 марта—6 іюня 1890 года, за № 585 объ измѣненіи порядка представленія духовныхъ лицъ къ наградамъ за отличіе по службѣ.

Въ настоящее время, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, награжденіе духовныхъ лицъ за отличія по службѣ приурочено

ко дню святой Пасхи, при чемъ, въ видахъ своевременнаго доклада Святѣйшему Синоду реестровъ о представляемыхъ къ наградамъ, Синодальнымъ опредѣленіемъ 8 іюня—28 августа 1864 года (полное собр. зак. № 41,239) постановлено чтобы ходатайства о наградахъ духовенства за заслуги по епархіальному, учебному, гражданскому и военному вѣдомствамъ были доставляемы духовному начальству одинъ разъ въ годъ не позже 1 декабря. Въ измѣненіе такого порядка Святѣйшій Синодъ по опредѣленію 13 марта—6 іюня сего года призналъ за благо постановить: 1) награжденіе духовныхъ лицъ, за отличіе и заслуги по епархіальному, учебному, гражданскому и военному вѣдомствамъ отнести, вмѣсто дня святой Пасхи, на день священнаго коронованія Государа Императора, и для сего предписать епархіальнымъ и прочимъ духовнымъ начальствамъ, чтобы доставляли Святѣйшему Синоду годовыя о наградахъ подвѣдомственнаго имъ духовенства представленія не къ 1 декабря cadaго года, какъ опредѣлено Синодальнымъ циркулярнымъ указомъ отъ 28 августа 1864 года за № 2, а къ 1 февраля cadaго года; 2) исключивъ скуфью изъ числа знаковъ отличія, жалуемыхъ бѣлому духовенству Св. Синодомъ, предоставить этотъ знакъ отличія въ распоряженіе епархіальныхъ преосвященныхъ на слѣдующихъ основаніяхъ: а) скуфья жалуется епархіальными преосвященными тѣмъ изъ подвѣдомыхъ имъ протоіереевъ и священниковъ, кои уже имѣютъ набедренникъ, и не прежде какъ по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ полученія набедренника; б) награду эту вносить въ общую Высочайше утвержденную норму наградъ, при чемъ преосвященные въ своихъ представленіяхъ Св. Синоду о наградахъ духовенства другими знаками отличія должны объяснять, сколько именно награждено ими священнослужителей въ теченіи cadaго года упомянутымъ знакомъ отличія, и в) въ случаѣ ходатайства свѣтскихъ начальствъ о награжденіи скуфьею духовныхъ лицъ епархіальнаго вѣдомства за заслуги по свѣтской части, окончательнаго разрѣшать сіи ходатайства собственною властію и о послѣдующемъ сообщать тѣмъ начальствамъ въ

установленномъ порядкѣ; 3) порядокъ награжденія знаками отличія духовенства Ихъ Императорскихъ Величествъ и главнаго священника гвардіи, гренадеръ, арміи и флота оставить на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы ходатайства были вносимы въ Св. Синодъ къ 1 февраля, какъ указано въ 1 пунктѣ настоящаго опредѣленія, и 4) дозволить всѣмъ священнослужителямъ при отправленіи богослуженія на открытомъ воздухѣ, употреблять скуфью, чернаго цвѣта; о чемъ, для руководства и исполненія, объявить во всеобщее извѣстіе чрезъ Церковныя Вѣдомости.

III.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленія на должности, перемѣщенія и увольненія.

За студентомъ Томской духовной семинаріи Александромъ Никольскимъ зачислено священническое мѣсто при Вознесенской церкви села Семилужнаго—11 августа.

— Надзиратель за учениками при Барнаульскомъ духовномъ училищѣ Александръ Златомрежевъ опредѣленъ на священническое мѣсто къ Духосошестввенской церкви Локтевскаго завода, съ увольненіемъ отъ училищной службы—12 августа.

— Студентъ Томской духовной семинаріи Владиміръ Сосунъ допущенъ къ исправленію должности надзирателя за учениками при Томскомъ духовномъ училищѣ—16 августа.

— Потомственный почетный гражданинъ Григорій Яхонтовъ допущенъ къ исправленію обязанностей псаломщика при Николаевской церкви села Козьонскаго—17 августа.

— Учитель Томскаго Ключевскаго приходскаго училища Василій Молодчанинъ опредѣленъ на должность учителя образцовой школы при Томской духовной семинаріи—18 августа.

— Монаху Томскаго архіерейскаго дома о. Сергію поручено исправленіе должности казначея сего дома—20 августа.

— Студентъ Рязанской духовной семинаріи Иванъ Долматовъ допущенъ къ временному исправленію обязанностей псаломщика при Одигитріевской церкви села Богородскаго, срокомъ на полгода—23 августа.

— За псаломщикомъ Сузунской Вознесенской церкви Петромъ Рубцовымъ зачислено штатное діаканское мѣсто при Михаило-Архангельской церкви села Легостаевского, съ возложеніемъ обязанностей учителя мѣстной церковно-приходской школы—25 августа.

— Окончившія курсъ Томскаго Епархіальнаго женскаго училища дѣвицы: Серафима Дяева и Надежда Сперанская опредѣлены *учительницами* церковно-приходскихъ школъ: первая—*Зарубинской*, а вторая—*Вьюнской*—28 августа.

— Бывшая учительница Секисовской церковно-приходской школы, дѣвица Надежда Выдрина, согласно ея прошенію, оставлена учительницей сей же школы—28 августа.

— Миссіонеры священники: а) Улалинскаго отдѣленія Матвей Турбинъ и б) Кебезенскаго—Сергій Ивановскій назначены въ составъ членовъ Бійскаго отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта—28 августа.

— Студентъ Томской духовной семинаріи Александръ Смирновъ опредѣленъ на должность надзирателя за учениками при Барнаульскомъ духовномъ училищѣ—28 августа.

— За діакономъ, состоящимъ на должности псаломщика при Ново-Чемровской Пророко-Ильинской церкви, Николаемъ Зоринымъ зачислено священническое мѣсто при Христорождественской церкви села Вагановскаго—28 августа.

— Псаломщикъ села Усть-Сертинскаго Петръ Книжниковъ опредѣленъ на младшее священническое мѣсто къ Панкрушинской Пророко-Ильинской церкви—31 августа.

— Инспекторъ классовъ при Томскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, кандидатъ богословія, Серафимъ Антоновичъ Путодѣевъ опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сего-же училища—30 августа.

— Священникъ Шубенской Покровской церкви Александръ

Хитровъ перемѣщенъ къ Михаило-Архангельской церкви села Салаирскаго—18 августа.

— Псаломщики: а) села Гутовскаго Гавріиль Миляновъ и б) и. д. псаломщика села Барышевскаго Іосифъ Шульгинъ, для пользы службы, переведены одинъ на мѣсто другаго—19 августа.

— Исправляющій должность псаломщика села Ояшинскаго Симеонъ Златомрежевъ и б) псаломщикъ села Верхъ-Ирменскаго Михаилъ Архангельскій, согласно ихъ прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго—19 августа.

— Псаломщикъ градо-Барнаульскаго Знаменскаго храма Николай Моцартовъ переведенъ въ село Ординское—22 августа.

— Псаломщикъ села Терентіевскаго Иванъ Сперанскій, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, перемѣщенъ къ Николаевской церкви села Тырышкинскаго—23 августа.

— Псаломщики: а) Тогоульской Михаило-Архангельской церкви Николай Лыткинъ и б) г. Барнаула Знаменскаго—Андрей Коноховъ, согласно ихъ прошенію, переведены одинъ на мѣсто другаго—25 августа.

— Штатный діаконъ Легостаевскаго храма Іоаннъ Екшибаровъ переведенъ на псаломщическое мѣсто къ Сузунской церкви—25 августа.

— Учительница Кулаковскаго церковно-приходскаго школы Александра Доброхотова перемѣщена въ таковую-же Усть-Тартаскую—28 августа.

— Учительница Усть-Сертинскаго церковно-приходскаго школы Анна Покровская переведена въ таковую-же Подонинскую—28 августа.

— Священникъ села Чердатскаго Іоаннъ Казанскій перемѣщенъ къ Николаевской церкви села Николаевскаго—28 августа.

— Псаломщикъ градо-Кыштанскаго Троицкаго собора Василій Троицкій и и. д. псаломщика села Дорогнине-Займскаго Александръ Молчановъ переведены одинъ на мѣсто другаго—28 августа.

— Церковный староста Маслянинской Николаевской церкви крест. Феодоръ Капитановъ, согласно его прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ должности—12 августа.

— Надзиратель за учениками при Томскомъ духовномъ училищѣ Вячеславъ Левитскій согласно его прошенію, уволенъ отъ должности надзирателя за учениками при семь училищѣ 16 августа.

— Псаломщикъ села Окуловскаго Вознесенской церкви Іаковъ Пѣуновъ уволенъ заштатъ—17 августа.

— Помощникъ начальника миссій Томской епархіи о. протоіерей Василій Вербицкій освобожденъ отъ должности помощника начальника миссій и уволенъ за штатъ—18 августа.

— Учитель Вьювской церковно-приходской школы Степанищевъ, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, уволенъ отъ должности учителя сей школы—28 августа.

— Учительница Казачемысской церковно-приходской школы дѣвица Анна Салтыкова уволена отъ должности учительницы 28 августа.

— Принять въ духовное званіе инородецъ Архипъ Зяблицкій на служеніе Алтайской духовной миссіи—19 августа.

— Принять въ Томскую епархію уволенный изъ Тамбовской духовной семинаріи Михаилъ Свѣтозаровъ—19 августа.

— Исправляющій должность Инспектора классовъ при Томскомъ Епархіальномъ жевскомъ училищѣ, кандидатъ богословія, Серафимъ Антоновичъ Путодѣевъ утвержденъ въ должности Инспектора классовъ сего училища—18 августа.

— *Священники* г. Томска а) кафедральнаго собора Александръ Сидонскій и б) Кладбищенской Вознесенской церкви Ксенофонтъ Васильковъ, согласно выбору о.о. депутатовъ духовенства Томскаго окружно-училищнаго съѣзда, утверждены членами правленія Томскаго духовнаго училища отъ духовенства съ 1890—1893 годъ—18 августа.

— И. д. псаломщика села Чулымскаго Михаило-Архангельской церкви Іосифъ Подскребаевъ утвержденъ въ должности псаломщика—19 августа.

— Утверждены въ должности слѣдователей—священники: села Ново-Тырышкинскаго Петръ Прибытковъ по *благодѣиію* № 25; б) села Зырянскаго Николаевской церкви Николай Никольскій (кандидатъ по немъ священникъ села Мало-Песчанскаго Михаилъ Коронатовъ) по *благодѣиію* № 10; и в) села Протопоповскаго Николаевской церкви Іоаннъ Троицкій по *благодѣиію* № 3;—18 августа.

— Крестьянинъ деревни Каргатской Дубровы Еліазаръ Лукіановъ утвержденъ попечителемъ мѣстной церковно-приходской школы—28 августа.

Награжденіе похвальнымъ листомъ.

Церковный староста Свято-Троицкой церкви села Хабаринскаго вверодецъ Кумышской управы 2-й половины Александръ Васильевъ Шабалинъ, за усердное и полезное служеніе церкви Божіей, награжденъ *похвальнымъ* листомъ—21 августа.

Разрѣшеніе носить черную скуфью.

Священникамъ: а) села Овечкинскаго Николаевской церкви Михаилу Севастьянову и б) села Турумовскаго Николаевской церкви Іоанну Покровскому, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія головы, разрѣшено носить, при исправленіи христіанскихъ требъ на открытомъ воздухѣ, черную скуфью—11 августа.

Преподаніе Архипастырскаго благословенія.

Крестьянину села Каргатскаго Ивану Михайлову Полферову, за пожертвованіе имъ *100 рублей* на постройку школьнаго зданія для Дубровской церковно-приходской школы, преподано Архипастырское Его Преосвященства *благословеніе*—28 августа.

ИЗВѢСТІЯ.

Распоряженія относительно церковныхъ построекъ.

Дано разрѣшеніе крестьянамъ деревни Калмыцкихъ-мысовъ построить въ оной, на ихъ средства, молитвенный домъ—
14 августа.

— Дозволено прихожанамъ Преображенской церкви села Стѣновскаго произвести, на ихъ средства, ремонтъ оной—
12 августа.

Списокъ лицъ, кои избраны духовенствомъ благочиній Томской епархіи *депутатами и кандидатами по депутатамъ* для присутствованія на общепархіальныхъ и окружно-училищныхъ сѣздахъ:

а) съ 1890 — 1892 годъ:

По благочинію № 24:

Депутатомъ священникъ села Ново-Чемровскаго Сергій Сафировъ и (кандидатомъ по немъ) священникъ г. Бійска Александро-Невской церкви Константинъ Виноградовъ.

и б) съ 1891 — 1893 годъ:

По благочинію № 11:

Депутатомъ священникъ села Усманскаго Михаилъ Архангельской церкви Дмитрій Чернивскій и (кандидатомъ по немъ) священникъ села Чумайскаго Вознесенской церкви Іоаннъ Григорьевъ.

По благочинію № 18:

Кандидатомъ на окружно-училищные сѣзды священникъ села Боровскаго Михаилъ Носовъ.

† Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года скончался на 76 году отъ рожденія заштатный священникъ Александръ Некрасовъ.

Отъ Томской духовной Консисторіи.

Томская духовная консисторія, вслѣдствіе постановленія своего, утвержденнаго Его Преосвященствомъ 13/13 августа, объявляетъ всѣмъ священнослужителямъ епархіи, что они, согласно 4 пункта опредѣленія Святейшаго Синода, напечатаннаго въ 25 № Церковныхъ Вѣдомостей за настоящій годъ, при отправленіи Богослуженія на открытомъ воздухѣ, могутъ употреблять скуфью чернаго цвѣта, не испрашивая на то впредь особаго разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, но съ тѣмъ, чтобы оныя скуфьи были приготовляемы изъ приличной матеріи и соответственно принятой вообще для скуфей даруемыхъ въ награду формѣ и содержимы въ чистотѣ. Августа 22 дня 1890 года.

— «Объявляется къ свѣдѣнію Об. Благочинныхъ и духовенства епархіи и тѣхъ должностныхъ лицъ, до кого касается настоящее распоряженіе, чтобы, выбранные духовенствомъ для производства слѣдствій, священники именовались и писались не Помощниками Благочинныхъ, а Слѣдователями».

V.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вакантныя мѣста къ 1 сентября 1890 года.

а) *Протоіерейское*: благоч. № 30—при Покровскомъ соборѣ г. Устькаменогорска.

б) *Священническія*: бл. № 12—Кондустуюльской Θεодотовской пріисковой; бл. № 16—Дорогино-Займской Троицкой; бл. № 22—Карганской Димитріевской; бл. № 23—Шипицинской Михаило-Архангельской; бл. № 24—Шубенской Покровской; бл. № 10—Чердатской Богородице-Казанской.

— Благ. № 20—Тюменцевской Троицкой; бл. № 16—

Нижне-Озернинской Николаевской; бл. № 30—Верхъ-Убинской Покровской; бл. № 14—Сарычумынской Троицкой; бл. № 13—Междугорной Троицкой; бл. № 15—Дмитріе-Титовской Петро-Павловской; бл. № 19—Чингизской Петро-Павловской.

Диаконскія: бл. № 7—въ с. Смолынскомъ; бл. № 22—при градо-Канскомъ Спасскомъ соборѣ; бл. № 17—при градо-Барнаульской Дмитріевской церкви.

Исаколицескія: бл. № 4—Нелюбинской Михаило-Архангельской; бл. № 8—Крутологовской Николаевской; бл. № 12—Больше-Барандатской Казанской; бл. № 5—Бабарыкинской, Николаевской; бл. № 14—при градо-Кузнецкомъ Преображенскомъ соборѣ, Терентіевской Петро-Павловской; бл. № 24—Ново-Чемровской Пророко-Ильинской; № 30—Кокпектинской Георгіевской; бл. № 17—Градо-Барнаульской Знаменской; бл. № 11—Усть Сертинской Троицкой.

— Бл. № 14—Безруковской Николаевской; бл. № 26—Хлопуновской Трехъ-Святительской; бл. № 31—Кабановской Николаевской; бл. № 30—Бобровской Покровской; бл. № 24—при Александро-Невской церкви г. Бійска; бл. № 20—Бороваго фарпоста Николаевской; бл. № 29—Жерновской Покровской; бл. № 18—Окуловской Вознесенской; бл. № 19—Крутихинской Николаевской; бл. № 24—Майминской Духосошествіевской.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Высочайшая благодарность.—II. Распоряженіе Высшаго Начальства.—III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—IV. Извѣстія.—V. Объявленіе.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Природа и населеніе Алтая.

(Продолженіе *).

Населеніе обширнаго Алтайскаго края состоитъ изъ двухъ, различныхъ по происхожденію и неравныхъ по численности, частей. Главную массу обитателей Алтая составляетъ русское населеніе — выходцы, или потомки выходцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, и только не болѣе, какъ одна десятая часть всего населенія состоитъ изъ коренныхъ жителей. Хотя русское населеніе по своей численности и развитію и занимаетъ первое мѣсто на Алтаѣ, но въ виду того, что это населеніе немногимъ отличается отъ своихъ европейскихъ братьевъ, мы коснемся его только отчасти, отмѣтивъ важнѣйшіе моменты исторіи русской колонизаціи на Алтаѣ и нѣкоторыя бытовыя особенности алтайскихъ крестьянъ, главное же вниманіе остановимъ на коренномъ населеніи Алтайскаго края.

Русское населеніе Алтая составляютъ поселенцы и переселенцы изъ европейскихъ губерній Россіи. Алтайскій край, съ своими горными заводами и привольными мѣстами, издревле былъ заманчивымъ убѣжищемъ всѣхъ бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, всякаго рода пришлыхъ людей, которыхъ еще указомъ 19 сентября 1749 г. повелѣно было приписать и дѣйствительно приписывали къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ. Но съ увеличеніемъ народонаселенія Алтая, колонизація этого края была воспрещена правительствомъ, такъ какъ считалась вредною для казенной горнопромышленности. Однако, благодаря, съ одной стороны, необыкновенному плодородію почвы и прекрасному климату въ алтайскихъ долинахъ,

а съ другой—недостатку хорошихъ земель и различнымъ неблагоприятнымъ бытовымъ условіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи, тысячи переселенцевъ отваживались, не смотря на запрещеніе, селиться на Алтаѣ. Русскіе крестьяне, преимущественно изъ губерній тамбовской, воронежской, пензенской, уфимской, выстраивали себѣ простыя избышки въ какомъ нибудь захолустѣ Алтая, гдѣ перѣдко многіе изъ нихъ жили по цѣлымъ годамъ неизвѣстными начальству, продолжая уплачивать подати въ мѣстахъ своего рожденія; потомъ они обживались въ новомъ краѣ и самая продолжительность ихъ пребыванія давала имъ достаточныя права на владѣніе землей. Особенно большую ловкость въ овладѣніи заповѣдными землями обнаружили такъ называемые старообрядцы: въ настоящее время они имѣютъ довольно большое число многолюдныхъ селеній, окруженныхъ цвѣтущими полями, и составляютъ болѣе одной пятнадцатой части всего русскаго населенія Алтая. Старообрядцы обыкновенно начинали тѣмъ, что, никого не спрашивая, поселялись на мѣстѣ, которое имъ нравилось; когда мѣстный чиновникъ приказывалъ имъ удалиться, они упрашивали его повременить до тѣхъ поръ, пока получится отвѣтъ на посланное будто бы прошеніе ихъ на Высочайшее имя. Въ слѣдующемъ году отвѣтъ, какъ и естественно, оказывался неполученнымъ, а между тѣмъ на новомъ мѣстѣ выстроены домики, скошены травы, сжаты и собраны на гумна хлѣбъ. Въ концѣ концовъ, благодаря изворотливости и настойчивости, старообрядцы успѣвали получить законнымъ порядкомъ тѣ права, которыя сначала были захвачены ими самовольно, и превращались въ «старыхъ сибиряковъ». Съ 1865 г. со стороны правительства состоялось разрѣшеніе безпрепятственно селиться на Алтаѣ русскимъ переселенцамъ и съ этого времени пришлое населеніе Алтайскаго края быстро возрастаетъ, не смотря на трудности, которыя приходится преодолевать крестьянину переселенцу. Великимъ благодѣяніемъ для Алтая служить то, что тамъ вовсе нѣтъ гражданскихъ и политическихъ ссыльныхъ. Въ настоящее время крестьянское населеніе Алтая про-

стирается до 400 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ старообрядцевъ около 25 тысячъ. Русское населеніе преимущественно занимаетъ сѣверо-западные и юго-западные окраины Алтая. Если сравнить жизнь русскаго крестьянина на Алтаѣ съ жизнью крестьянъ Европейской Россіи, то нельзя незамѣтить значительной разницы между ними во внѣшнемъ бытѣ и обстановкѣ. Алтайскій крестьянинъ живетъ при гораздо лучшей обстановкѣ, чѣмъ собрать его во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Алтайскія деревни обнесены обыкновенно особою изгородью, такъ называемою «поскотиной»; за поскотинами по горнымъ скатамъ разбросаны пашни отдѣльными участками для каждаго хозяина. Поскотина устраивается для того, чтобы охранять пашни отъ скота, который въ ней свободно ходитъ безъ пастуха. Избы крестьянъ состоятъ изъ двухъ половинъ—собственно избы и горницы; въ избѣ русская печь и полати, а въ горницѣ—иногда голландская печь, а чаще русская, сбитая изъ глины, но за то размалеванная. Непремѣнною принадлежностью горницы служить кровать съ высокимъ пологомъ, зеркало съ наброшеннымъ на него полотенцемъ, сундуки, прикрытые коврами; передній уголокъ занятъ иконами, между которыми первое мѣсто отведено большой, въ аршинъ длины, плащаницѣ. Домъ нѣкоторыхъ крестьянъ, особенно изъ старообрядцевъ, больше походятъ на городскіе домъ, чѣмъ на деревенскія жилища Европейской Россіи: въ чистыхъ, покрытыхъ обоями, комнатахъ можно найти красивую мебель, драпировки, шелковыя оконныя завѣски, даже произведенія искусства. Женщины у алтайскихъ крестьянъ ходятъ въ платьяхъ, а не въ сарафанахъ; обувь у женщинъ состоитъ изъ башмаковъ, а у мужчинъ—изъ кожаныхъ сапоговъ и бродней; лапти извѣстны только по слуху. Рассказываютъ анекдотъ, что какой-то переселенецъ изъ Россіи однажды оставилъ въ полѣ слѣдъ своихъ лаптей; сибирскіе крестьяне принявъ этотъ слѣдъ за слѣдъ невиданнаго звѣря и цѣлой деревней ходили выслѣживать этого звѣря съ ружьями и другимъ оружіемъ. Вновь прибывшіе переселенцы, извѣстные въ Сибири подъ названіемъ «но-

воселовъ», въ первое время рѣзко отличаются по образу жизни отъ обжившихся крестьявъ: живутъ, какъ и прежде, въ черныхъ избахъ, носятъ холщевую одежду, ѣдятъ черный хлѣбъ и т. п. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, обиліе даровъ алтайской природы даетъ имъ возможность завести необходимый для сибирскаго крестьянина самоваръ, ежедневно пить чай, имѣть къ чаю бѣлый хлѣбъ и медъ и пр. Главнѣйшимъ занятіемъ алтайскихъ крестьянъ служить земледѣліе; скота они держатъ въ изобиліи; многіе съ выгодой занимаются ичеловодствомъ и огородничествомъ.

Коренное населеніе Алтая, извѣстное подъ общимъ именемъ алтайскихъ инородцевъ или просто алтайцевъ, простирается до 40 тысячъ душъ обоего пола и по своему происхожденію принадлежитъ къ монгольскому племени, находясь въ племенномъ родствѣ со всѣми сибирскими татарами, не смотря на то, что послѣдніе много взмѣнились подъ вліяніемъ принятаго ими магометанства и отъ сосѣдства съ русскимъ населеніемъ. Алтайскіе инородцы преимущественно обитаютъ въ центральномъ или юго-восточномъ Алтаѣ и въ сѣверо-восточной Черни. Они носятъ различныя мѣстныя названія, данныя имъ ихъ русскими сосѣдями, а именно: 1) алтайскихъ калмыковъ, 2) чуйскихъ калмыковъ или теленгитовъ, 3) телесовъ, 4) телеутовъ, 5) кумандинцевъ и 6) черневыхъ татаръ. При этомъ нужно замѣтить, что названіе калмыковъ самимъ алтайцамъ неизвѣстно, а дано имъ русскими еще въ прошломъ столѣтіи по ошибкѣ, не по языку и племенному родству съ калмыками, но по нѣкоторому сходству въ одеждѣ и обстановкѣ. Точно также и названіе черневыхъ татаръ употребляется только русскими, сами же они называютъ себя «туба», «тубалоры». — Калмыки и черневые татары по численности составляютъ главныя инородческія племена на Алтаѣ. Алтайскіе калмыки, теленгиты и телесы—ближайшіе представители монгольскаго племени на Алтаѣ. Они ведутъ пастушескую кочевую жизнь, и считаются «самыми честными изъ обитателей Азии». Алтайскіе калмыки, называемые также алтайцами—ойротами, кочуютъ по берегамъ

р. Катуня и ея притокамъ; по управленію они дѣлятся на 7 дючинъ (волостей), изъ которыхъ одна находится на восточномъ берегу Катуня, а остальные шесть—на западномъ, по р.р. Урсулу и Бану; каждой дючиной управляетъ зайсанъ (старшина изъ туземцевъ) и во всѣхъ семи дючинахъ считается около 12 тысячъ душъ обоаго пола.—Чуйскіе калмыки, сами себя называющіе теленгитами, извѣстны также подъ названіемъ «двоеданцевъ». Они занимаютъ Чуйское плоскогоріе и соеднѣя съ нимъ долины, дѣлятся на 2 дючины, управляемыя зайсанами; число теленгитовъ простирается до 2 тысячъ. Эти мирные люди не такъ давно были въ одно и тоже время подданными и Россіи и Китая; для нихъ какъ будто не существовало государственной границы и они до 1869 г.,—новаго разграниченія между Россіей и Китаемъ,—платили заразъ данъ двоимъ господамъ, почему и сохранили за собою названіе двоеданцевъ.—Телесы или телецы—очень незначительное племя; они кочуютъ на южной сторонѣ Телецкаго озера и по рѣкѣ Чулышману; самое озеро носить свое названіе отъ этого племени.—Телеуты—разсѣявшееся племя алтайцевъ. Еще въ XVII в. часть южныхъ алтайцевъ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ между собою, оставила центральный Алтай и спустилась въ сибирскія низменности по рѣкамъ Иртышу и Томи. Въ настоящее время алтайскіе телеуты, называющіе себя теленгитами, живутъ осѣдло въ кузнецкомъ округѣ близъ р. Бачата, а небольшая часть не очень давно переселилась въ Улалу и Мынту—миссіонерскія селенія въ Бійскомъ округѣ. Телеутовъ считается на Алтай до 4 тысячъ; большинство ихъ приняли христіанство и только небольѣ четвертой части состоятъ въ язычествѣ; но какъ тѣ, такъ и другіе живутъ совершенно по русски, въ большихъ, деревянныхъ домахъ, и одѣваются какъ русскіе крестьяне, нѣкоторые изъ нихъ занимаются торговлей и даже ѣздятъ на ирбитскую ярмарку. Языкъ телеутовъ совершенно сходенъ съ языкомъ калмыковъ алтайскихъ и чуйскихъ.—Вверхъ по теченію р. Бии, за Енисейскою волостью, живеть небольшое племя кумандинцевъ; они ведутъ осѣдлый

образъ жизни.—Наконецъ, въ сѣверо-восточной части Алтая, въ такъ называемой Черни, обитаетъ самое многочисленное изъ алтайскихъ инородческихъ племенъ племя черневыхъ татаръ. Такое названіе дано имъ русскими по занимаемой ими мѣстности, покрытой хвойнымъ лѣсомъ и чернѣющей издали. Происхожденіе черневыхъ татаръ сомнительно: одни относятъ ихъ къ финскому племени, а другіе—къ монгольскому. Дѣйствительно, по наружному виду черневые татары отличаются отъ алтайскихъ калмыковъ, телеутовъ и телегитовъ и имѣютъ болѣе сходства съ чухнами Финляндіи, чѣмъ съ представителями монгольскаго племени; но языкъ и религіозныя вѣрованія ихъ имѣютъ много общаго съ языкомъ и вѣрованіями алтайскихъ калмыковъ. Поэтому можно думать, что и они монгольскаго корня, только татарско-монгольской тинъ, господствующій на югѣ Алтая, приближается на сѣверѣ къ тину Европейскому. Черневые татары въ большинствѣ ведутъ жизнь кочевую; число ихъ на Алтай простирается до 20 тысячъ, изъ которыхъ около 14 тысячъ относятся къ Кузнецкому округу и раздѣляются на 22 волости кочевыхъ и 7 волостей осѣдлыхъ инородцевъ, а около 6 тысячъ кочуютъ въ Бійскомъ округѣ около Телецкаго озера, раздѣляясь на 7 волостей.—Кромѣ оффиціального дѣленія по дючинамъ и волостямъ, алтайскіе инородцы раздѣляютъ сами себя на множество родовъ или «сеоковъ» (сеокъ—кость), каждый родъ ведетъ свое начало отъ какого нибудь отдаленнаго предка, память о которомъ затерялась, а осталось одно только названіе. Сеоки свято сохраняются алтайцами, хотя и разбросаны на громадныхъ пространствахъ: одинъ и тотъ же сеокъ можно встрѣтить и въ Сибири, и на берегахъ Волги, и въ Китайской имперіи. Гдѣ бы ни встрѣтились инородцы, незнакомые между собой, они послѣ обычнаго привѣтствія прежде всего спрашиваютъ другъ друга: «какой кости»? Если окажется, что оба одной, то они съ видимымъ удовольствіемъ заводятъ братскій разговоръ и расстаются, какъ родные. Члены одного сеока оказываютъ помощь и защиту своему сородичу, хотя бы никогда раньше не были

знакомы, предпочтительно предъ членами другаго рода, даже давно знакомыми; всякая просьба сородича исполняется, не смотря на то, что его видятъ въ первый разъ въ жизни: если ему нужно табуку, пороху, ножъ и т. п., незнаемый до сихъ поръ «братъ» ему все подарить обязательно. Въ силу такого родства, браки между членами одного сеока не допускаются.

Различаясь по названіямъ, алтайскіе инородцы представляютъ много общаго между собою въ отношеніи наружнаго вида, быта, образа жизни, нравовъ, языка и религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. Впрочемъ между инородцами южными (алтайскими и чуйскими калмыками, телесами) и сѣверными (черневыми татарами) есть нѣкоторыя бытовые особенности, которыя зависятъ главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ условій и частию отъ вліянія сосѣдняго русскаго населенія.

Господствующій типъ алтайскихъ инородцевъ: средній ростъ, сухонарость, плоское лицо, расширенное на мѣстѣ скуль, небольшой лобъ, носъ безъ переносицы, отъ чего разстояніе между глазами кажется большимъ, узкія и длинныя глазныя щели, черные, жесткіе, густые и длинные волосы; у мужчинъ или естественное отсутствіе бороды или оголеніе подбородка посредствомъ выдергиванія рѣдкихъ волосъ; голова гладко выстрижена до теменя, на которомъ у южныхъ алтайцевъ и телецкихъ черневыхъ татаръ оставленъ пучъ длинныхъ волосъ, заплетенныхъ въ косу. Новокрещенные изъ южныхъ алтайцевъ и татары Кузнецкой черни стригутъ волосы на головѣ въ кружокъ, какъ русскіе мѣщане, и косы не носятъ. Женщины — алтайки заплетаютъ двѣ косы, которыя, будучи соединены на концахъ, висятъ ниже пояса; дѣвцы заплетаютъ три, пять, семь косъ, — непременно нечетное число. Ноги алтайцевъ большею частию кривыя отъ ихъ привычки часто ѣздить верхомъ на короткихъ стременахъ и отъ сидѣнья на полу съ поджатыми ногами; походка — съ переваломъ изъ стороны въ сторону, съ широкимъ шагомъ отъ привычки ходить на лыжахъ. Тѣло алтайцевъ засаленное, прокопѣлое и никогда не мытое. Впрочемъ у алтайскихъ калмыковъ встрѣчаются иногда каштано-

вые волосы и голубые глаза, а среди кумандинцев — лица приближающіяся къ типу кавказскому.

Одежда алтайцевъ отличается простотою и незатѣйливостію. У южныхъ алтайцевъ лѣтняя мужская одежда состоитъ изъ рубахи съ широкими рукавами, косымъ воротомъ, который никогда не застегивается, и короткихъ штановъ, едва покрывающихъ колѣна, съ прочнымъ шнуромъ около талии, одинъ конецъ котораго едва не достигаетъ до земли; чѣмъ виднѣе шнуръ изъ подъ короткой рубахи, тѣмъ нарядъ считается красивѣе. Въ жаркіе дни рубашка совсѣмъ снимается и алтаецъ остается въ однихъ штанахъ. Сверхъ рубашки, если нужно, надѣваютъ халатъ съ широкими рукавами, изъ бумажной матеріи, украшенный каймами и нашивками. Зимой для тепла одѣваются или въ кафтаны, сшитые изъ мягкой кочмы, или въ бараньи шубы, непременно бѣлой шерсти. Эти одежды надѣваются одна на другую, чѣмъ ближе къ тѣлу, тѣмъ онѣ короче. Обувь зимой и лѣтомъ состоитъ изъ кожаныхъ, остроносыхъ сапоговъ, безъ каблуковъ, съ широчайшими голенищами, за правое голенище, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ заткнутъ кисеть съ табакомъ и трубкой. Алтайцы курятъ всѣ безъ различія пола и возраста, даже груднымъ дѣтямъ матери иногда суютъ въ ротъ трубку. Поверхъ одежды инородцы подпоясываются ремнемъ, на которомъ на отдѣльныхъ ремешкахъ привѣшиваются ножъ въ ножнахъ и огниво въ кожаной оправѣ съ сумочкой для кремня и трута; безъ этихъ принадлежностей алтаецъ не бываетъ никогда. На голову надѣваютъ высокую мѣховую шапку съ загнутыми краями, или околышемъ изъ мерлушки, соболя, лисицы и съ плоскою яркаго цвѣта втульею съ разноцвѣтнымъ кружкомъ посрединѣ и двумя лентами, которыми зъвязывается околышъ. Изъ подъ шапки виситъ коса, къ концу которой нерѣдко привязываютъ мѣдную пуговицу, или другое что нибудь блестящее. Женщины одѣваются, какъ и мужчины, въ рубашки, штаны, сапоги и шапки, но вмѣсто халата онѣ носятъ «чегедекъ» весьма красивый женскій костюмъ изъ бумажной матеріи, преимущественно синяго цвѣта,

обшитый галуномъ и парчей, съ огромными китайскими пуговицами. Зимною чегадекъ надѣвается на шубу. Если косы служить украшеніемъ женской головы вообще, то алтаянокъ въ особенности: по всей косѣ у нихъ насажены мѣдныя пуговицы, концы косъ должны быть непременно ниже пояса и если коса недостаточно длинна по природѣ, прививаютъ къ косамъ шнуры изъ конской гривы или изъ шерсти. Косы соединены между собою нанизями изъ пуговицъ и раковинокъ въ нѣсколько рядовъ, такъ что у франтихи вся задняя часть покрыта какъ бы панцыремъ, который при малѣйшемъ движеніи шумить и гремитъ. Серьги употребляются большею частію мѣдныя или оловянные, къ нимъ придѣлываются на шнурахъ подвизи, соединенныя съ косами. Околышгъ на шапкахъ щеголихъ можно встрѣтить изъ шеекъ дикихъ селезней. вмѣсто шапокъ у женщинъ близъ Телецкаго озера встрѣчается изрѣдка родъ кокошника съ широко разведенными коцками. — У алтайцевъ сѣверныхъ рубаха гораздо длиннѣе и дѣлается изъ пеньки; на халатъ (кендырь) употребляютъ большею частію или толстый холстъ, или ридной; воротникъ халата непременно вышитъ разноцвѣтною шерстью. Головы у черневыхъ татаръ Кузнецкаго округа покрываются или картузами или шапками съ остроконечной втулей и высокимъ околышемъ; женщины шапокъ не носятъ, а повязываются платками, завязывая концы на затылкѣ; въ дѣвичьихъ косахъ, кромѣ пуговицъ, встрѣчается стекларусъ, бисеръ и маленькіе, съ наперстокъ величиной, колокольчики, возвѣщающіе издали о шествіи франтихи. — Всѣ кочевые инородцы, разъ надѣвши рубашку, никогда ее не мочутъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она не изорвется въ ленты. Осѣдлые инородцы, исключая женщинъ въ Кузнецкомъ округѣ, носятъ костюмъ русскій. Телеутки Кузнецкаго округа отличаются синими и преимущественно красными чулками, а зимою высокими краснаго сукна острыми шапками. — Кочевыя инородки вмѣсто траура носятъ наизнанку вывороченныя шубы.

Жилищами южныхъ алтайцевъ служатъ обыкновенно войлочные юрты или коническіе шалаши, прикрытые корой листвен-

ницы. Войлочная юрта красивѣе и предохраняетъ лучше отъ воздушныхъ перемѣнъ, чѣмъ крытая древесной корой. Южный алтаецъ любитъ просторъ и потому аулы (селенія) ихъ состоятъ изъ неболѣе, какъ изъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ ближайшимъ родственникамъ. Въ серединѣ аула, на томъ мѣстѣ, гдѣ почуетъ скотъ, бываетъ непросыхающее навозное болото. Внутри алтайской юрты грязно и поразительно бѣдно; нѣтъ того обилія деревянной мебели, раскрашенныхъ божницъ, деревянной и мѣдной посуды, какія встрѣчаются въ монгольской юртѣ, или тѣхъ красныхъ юфтовыхъ сумъ и обитыхъ жестью сундуковъ, которыми любятъ обставлять переднюю часть юрты киргизы. Дверью юрты служитъ шкура животного или кочма; полъ выстланъ бобовиднымъ пометомъ мелкаго скота; противъ дверей у стѣны навалено нѣсколько мѣшковъ съ разнымъ имуществомъ. Среди юрты находится очагъ, на которомъ поддерживается и зимой, и лѣтомъ, и днемъ, и ночью неугасаемый огонь. Дымъ поднимается вверхъ и уходитъ въ оставленное въ центрѣ юрты отверстіе, конечно въ тоже время разстилаясь и по внутренней части юрты; отъ постоянного дыму вся внутренность юрты, а равно вещи и лица, въ ней находящіеся, бываютъ закончены. Непривычному человѣку, послѣ ночи, проведенной въ юртѣ, долго нельзя открыть глазъ на свѣжемъ воздухѣ отъ сильной рѣзи; даже и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много больныхъ глазами. Вокругъ огня на корточкахъ помѣщаются полувагіе хозяева юрты съ совершенно уже вагинами, роющимися въ теплой золѣ, дѣтьми и посторонніе, если есть; тутъ же, — въ юртѣ, — помѣщается и молодой скотъ — ягнята и телята; нѣкоторымъ членамъ семейства приходится спать ночью, прислонившись къ теплой спинѣ бычка. Въ юртѣ находится и всѣ вещи незатѣйливаго обихода алтайца: грубые идолы и амулеты, ружья, капкавы, кухонная посуда, конская сбруя и пр. — Юрты сѣверныхъ алтайцевъ составляютъ уже переходъ къ избамъ и по внѣшнему виду и по внутреннему устройству. Юрта черневаго татарина представляетъ квадратный около двухъ сажень, бревенчатый срубъ,

высотой не болѣе одной сажени, безъ оконъ, съ двумя отверстіями, однимъ—въ стѣнѣ для двери, другимъ—въ потолокъ для выхода дыма. Возлѣ двери, у той же стѣны, помѣщается очагъ, сбитый изъ глины, а къ нему часто прилаживается сдѣланная изъ прутьевъ и обмазанная глиною полукруглая труба, которая подвѣшивается къ краю дымоваго отверстія въ потолокъ. Вдоль остальныхъ трехъ стѣнъ идутъ широкія, низкія лавки, покрытыя берестою. Лѣвая половина юрты женская; тутъ обыкновенно сидитъ хозяйка дома за работою, тутъ она спитъ, тутъ же помѣщается на лавкѣ или полкѣ и вся домашняя посуда. Лавка противъ двери и очага предназначается для гостей, а также и та, которая идетъ направо отъ двери, только послѣднее мѣсто считается менѣе почетнымъ. Одинъ изъ угловъ правой стороны юрты всегда занятъ жерновами, на которыхъ мелется мука, и другимъ скрабомъ, въ родѣ курятника съ курами, колоды съ золой для выдѣлки кожъ, туюсьевъ съ водою и пр. Полъ юрты болшею частію настланъ досками съ оставленіемъ землянаго круга около очага. Такимъ образомъ, юрта сѣверныхъ алтайцевъ отличается отъ бѣдной избы только тѣмъ, что въ ней нѣтъ потолка съ особою кровлею и настоящей печи. Впрочемъ зажиточные ивородцы, особенно принявшіе крещеніе, строятъ и настоящіе русскіе дома съ крытыми сѣвьями, съ стеклянными окнами, съ настоящею печью и скамьями около стѣнъ; въ такомъ домѣ имѣется и чистая, свѣтлая горница, и вся обстановка до самыхъ мелочей, напоминающая настоящую русскую избу, въ которой нѣтъ и духу татарскаго, только хозяйка и дѣти ни слова не говорятъ по русски. Нужно замѣтить, что алтайцы, имѣющіе русскія избы, не бросаютъ и юртъ; въ рядъ съ избою всегда стоитъ и юрта. Хозяева не живутъ здѣсь и только, вспоминая добрую старину, иногда варятъ чай или сидятъ на корточкахъ около очага, съ трубками въ зубахъ, поминутно слезывая, въ юртахъ же они любятъ и спать, такъ какъ здѣсь нѣтъ клоповъ, которыхъ въ домахъ, проконопаченныхъ мохомъ и содержимыхъ грязно, весьма много. Сѣверные алтайцы болѣе склонны къ обществен-

ной жизни, чѣмъ южные. Они живутъ аулами отъ 7 до 20 юртъ. Названіе аула большею частію дается по имени старшаго въ родѣ, напр. аулъ Санабая, аулъ Пайдоры, аулъ Сарки. Если же нѣсколько родовъ живутъ въ одномъ мѣстѣ, то селеніе называется уже не ауломъ, а улусомъ. Улусы большею частію носятъ названіе рѣчекъ, при которыхъ они расположены, или называются по отличительнымъ мѣстнымъ особенностямъ, напр. улусъ Осиновскій, Сосновая Гора, Красный Яръ и т. п.

Алтайскіе инородцы употребляютъ пищу самую простую и притомъ въ умѣренномъ количествѣ. — Главною пищею южныхъ алтайцевъ служитъ молоко въ различныхъ видахъ: сырое, творогъ, сыръ, масло, кумысъ, сверхъ того ячмень и мясо. Ячменная, жидкая каша называется «кочо» и составляетъ ихъ ежедневное блюдо; она варится въ котлѣ утромъ на цѣлый день. Изъ мяса—самое любимое конина, которую впрочемъ ѣдятъ только богатые люди; дичь—моральевъ, козуль, лосей,—ѣдятъ только осенью и зимой, когда бываетъ охота на этихъ животныхъ; птицъ не стрѣляютъ, находя, что добыча не стоить затраты пороха. Рыбы южные алтайцы не ѣдятъ и думаютъ, что она не насыщаетъ, а напротивъ усиливаетъ голодъ. Мясо варить въ котлѣ, а также жарить, воткнувъ на палку, причемъ ѣдятъ полусырое. Сваренное мясо выкладываютъ на разостланную шкуру и ѣдятъ руками, безъ соли. Самымъ любимымъ напиткомъ алтайцевъ служитъ кумысъ, изъ котораго путемъ выпариванія готовятъ и болѣе крѣпкій напитокъ—араку, въ родѣ нашей водки. Между алтайцами очень развито употребленіе чаю; чай пьютъ кирпичный, который достаютъ отъ монголовъ съ чуйской мѣшковой ярмарки. Въмѣсто сахара, въ чашку съ чаемъ подсыпаютъ поджаренную ячменную муку—«толканъ». Бѣдные замѣняютъ чай высушенными листьями нѣкоторыхъ дикорастущихъ растений. — Сѣверные алтайцы, обитающіе въ глухой черни, довольствуются самымъ скуднымъ пропитаніемъ. Въ этомъ отношеніи они представляютъ большую разницу съ кочевниками южнаго Алтая. Кочевникъ имѣетъ та-

буны лошадей, коровъ, овецъ и козъ, можетъ съѣсть въ одинъ приѣздъ полбарана, можетъ цѣлый день тянуть кумысъ и араку; напротивъ, обитатель лѣсовъ почти незнаетъ скотскаго мяса, да не всегда имѣетъ и молоко, а питается скудными запасами ячменя, мелкой рыбой, валовленной въ рѣчкахъ, а также корнями дикихъ растений—кандыка и сараны. Почти ежедневное его кушанье—«тутнашъ»: утромъ, вечеромъ, гость ли приѣдетъ, сегодня, завтра, цѣлую жизнь—все тутнашъ да тутнашъ. Кушанье это готовится такъ: въ кипящую въ котлѣ воду бросаются катышки изъ прѣснаго ячменнаго тѣста и развариваются, чрезъ нѣсколько минутъ кушанье готово и прямо съ пылу употребляется въ пищу. Самый лакомый тутнашъ состоитъ изъ кусочковъ того же тѣста, разваренныхъ въ молоко или въ водѣ съ прибавленіемъ мяса или мелкой рыбы. Гдѣ неудобство «черни» исключаетъ возможность держать хоть одну корову, тамъ вовсе нѣтъ молока и оно замѣняется водой. Подспорьемъ къ этой скудной пищѣ служить чай, который у сѣверныхъ алтайцевъ, какъ и у южныхъ, находится во всеобщемъ употребленіи. Не кумысомъ утоляетъ жажду черневой татаринъ, а простой водой, къ которой примѣшиваетъ поджаренную ячменную муку съ солью—«толканъ». Эта болтушка здѣсь въ такомъ употребленіи, какъ и кумысъ у южнаго алтайца. Гости ли приѣдутъ, самъ ли хозяинъ возвратится откуда нибудь или просто навернется въ юрту заѣзжій человекъ, —хозяйка тотчасъ насыпаетъ въ чашку толкана съ солью, кладетъ ложку и подаетъ приѣзжему вмѣстѣ съ туясомъ воды; гость самъ наливаетъ въ чашку воду и, разболтавъ муку ложкой, пьетъ, затѣмъ передаетъ чашку съ остатками осѣвшей на дно муки слѣдующему гостю, который наливаетъ изъ туяса свѣжей воды, разбалтываетъ и пьетъ, —и такъ ходитъ по рукамъ круговая чаша, пока всѣ не напьются досыта. И здѣсь, какъ вообще у всѣхъ инородцевъ, любимѣйшій напитокъ—аракъ, водка—самосидка изъ ячменя, которой они предаются со всею страстью, готовы за нее, кажется отдать все на съѣтъ и забыть самихъ себя. Но въ черни нѣтъ того непробуднаго и

поголовнаго пьянства, какое встрѣчается въ теченіи цѣлаго дѣта у южныхъ кочевниковъ Алтая. У обитателей черни мало или вовсе нѣтъ молока, недостаточно и хлѣба для этой цѣли; южный алтаецъ пьетъ араку всегда, а черневой татаринъ — только при случаѣ, по временамъ. — Алтайскіе инородцы вообще не пекутъ хлѣба, оттого они слабосильны и къ земледѣльческимъ трудамъ малоспособны; дѣти ихъ отъ употребленія одной жидкой нищи обыкновенно обладаютъ отвислымъ брюхомъ. Осѣдлые инородцы употребляютъ такую же нищу, какъ и русскіе крестьяне, хотя у нихъ и есть нѣкоторые національныя блюда.

Образъ жизни и занятія алтайцевъ южныхъ и сѣверныхъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, не одни и тѣже. Южные алтайцы ведутъ кочевой образъ жизни и главнѣйшимъ занятіемъ ихъ служить скотоводство. Каждый хозяинъ-кочевникъ имѣетъ болѣе или менѣе значительныя стада лошадей, коровъ, овецъ и козъ. Кромѣ скотоводства нѣкоторые изъ нихъ занимаются еще звѣроловствомъ и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ. Жизнь кочевниковъ проходитъ однообразно. Мужчины ничего почти не дѣлаютъ, — они ѣдятъ, курятъ, пьютъ и спятъ; только осенью и зимою нѣкоторые изъ нихъ отправляются на охоту за соболями, маралами, козулями и др. дикими животными и то не столько по нуждѣ, сколько по страсти къ охотѣ. Всѣ домашнія работы лежатъ исключительно на женщинахъ: онѣ утромъ и вечеромъ доятъ коровъ и кобылицъ, поятъ телятъ, варятъ обѣдъ, шьютъ на всѣхъ домашнихъ обувь и одежду, дѣлаютъ кумысъ и араку, заготавливаютъ дрова, нося на своихъ плечахъ повадившіяся отъ вѣтра деревья, осѣдываютъ и навьючиваютъ коней, отправляютъ, за отсутствіемъ мужчинъ, подводы; само собой разумѣется, что онѣ же смотрятъ и за дѣтьми. Надзоръ за скотомъ поручается старшему сыну или младшему брату хозяина, но это трудъ легкій, состоящій въ томъ, чтобы разъ въ недѣлю посмотреть, не отошелъ ли табунъ далеко отъ юрты. Коровы, овцы и козы пасутся безъ присмотра и къ ночи сами возвращаются въ аулъ.

Единственнымъ непріателемъ алтайца служить волкъ, наноси-
 щій ущербъ стадамъ; конокрадство въ Алтай, какъ и во всей
 Монголіи, — неизвѣстное преступленіе. Главнѣйшимъ занятіемъ
 сѣверныхъ алтайцевъ служить земледѣліе. Съ наступленіемъ
 лѣта начинаются полевые работы и исполняются цѣлой семьей,
 которая иногда и переселяется на мѣсто этихъ работъ. Хлѣбо-
 пашество ведется самыми первобытными способами и въ та-
 кихъ незначительныхъ размѣрахъ, что не удовлетворяетъ и
 скромной потребности въ насущномъ хлѣбѣ: къ концу зимы
 черневому татарину приходится покупать хлѣбъ для пищи, а
 весной — на сѣмена. Само собою разумѣется, что часть хлѣб-
 ваго запаса идетъ и на приготовленіе араки. Черневые татары
 преимущественно сѣютъ ячмень и рѣже пшеницу, а на низ-
 кихъ мѣстахъ коноплю и табакъ. Табакъ для инородца едвали
 не дороже хлѣба, составляя предметъ первой необходимости.
 Для посѣва этого необходимаго растенія расчищаютъ гдѣ ни
 попало небольшіе участки земли; но при неумѣньѣ обращаться
 съ этимъ требовательнымъ растеніемъ получается не табакъ, а ка-
 кая-то трава. Лѣтомъ же обитатели черни цѣлыми семьями отпра-
 вляются въ лѣсъ копать корни — кандыкъ, сарану, колбу и
 рвать чай, природа сама производитъ эти нятательныя расте-
 нія, которые служатъ подспорьемъ въ пищѣ и подчасъ очень
 лакомымъ блюдомъ. Кандыкъ и сарана, при недостаткѣ хлѣба,
 не только замѣняютъ его какъ пищу, но и служатъ матеріа-
 ломъ для приготовленія неощенной для инородцевъ араки.
 Въ р. Кондомѣ и горныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ нее, въ
 изобиліи водится рыба, но инородцы ловятъ ее преимущест-
 венно голыми руками и рѣдко самыми незатѣйливыми снаря-
 дами. Крупная рыба, какъ напр. щуки и хайрюзы, заготов-
 ляется впрокъ, ее ловятъ и сушатъ на солнцѣ или провяли-
 ваютъ въ дыму очага. Въ промежутки времени, свободные
 отъ полевыхъ и другихъ работъ инородецъ улучшить денекъ-
 другой, чтобы сѣздить въ лѣсъ, надрать коры и бересты.
 Береста особенно ему необходима, потому что изъ нея приго-
 товляется вся домашняя посуда: туяся отъ самаго маленькаго

до огромнаго, ковни, чашки, коробки и множество других вещей. Быстро, ловко, красиво и практично ведется работа изъ бересты привычными инородцами при помощи одного только ножа. У сѣверныхъ алтайцевъ, подобно тому какъ и у южныхъ, женщина обречена на тяжелую работу, словно домашняя лошадь, и должна вести исключительно на своихъ плечахъ всѣ занятія по хозяйству, всѣ домашнія работы, въ то время какъ мужъ ей шатается въ лѣсу, по гостямъ или безвѣчно сидитъ въ юртѣ, покуривая трубку. Кроме обычныхъ занятій для удовлетворенія необходимыхъ насущныхъ потребностей, черневые татары занимаются еще ичеловодствомъ, сборомъ кедровыхъ орѣховъ и охотой за пушнымъ зѣбремъ, каковыя промыслы вполне обезпечиваютъ матеріальное существованіе инородца и, будучи переведены на деньги, даютъ ему возможность платить ясакъ, пріобрѣтать все, чего онъ самъ не можетъ произвести, и наконецъ даютъ тотъ избытокъ, который можетъ быть отложенъ. Черневые татары въ большинствѣ ведутъ кочевой образъ жизни, но они не кочуютъ съ мѣста на мѣсто въ томъ смыслѣ, какъ кочуютъ съ своими стадами южные алтайцы. Только появившися въ улусѣ смертность или другое какое несчастіе заставляютъ его бросать насиженное мѣсто и бѣжать на новое; только нашествіе хищниковъ—русскихъ кулаковъ вынуждаетъ его покинуть родныя пажити и угодья и забраться въ глубь лѣсовъ. Для южнаго кочевника кочевка составляетъ пріятное развлеченіе, праздникъ; для обитатели черни она является неволей, бѣдствіемъ, которое гонитъ его, съ которымъ бороться у него нѣтъ силъ.—Осѣдлые и ново-крещенные инородцы ведутъ образъ жизни, близкій къ быту русскихъ крестьянъ: они привыкаютъ къ правильному земледѣлю и огородничеству.

Нравы алтайскихъ инородцевъ, живущихъ вдали отъ посторонняго вліянія, отличаются патріархальностью. Честность, прямотушіе, миролюбіе, гостепримство, привязанность къ преданіямъ и обычаямъ старины выдающіися черты какъ южныхъ такъ и сѣверныхъ алтайцевъ. Обманъ и воровство между

ними рѣдки и строго караются; различные договоры и обязательства другъ другу основываются исключительно на честности словѣ и взаимномъ довѣрїи; отдѣльные роды и племена живутъ мирно, безъ вражды и распрей, спокойно пользуясь своимъ имуществомъ и угодами. Но на ряду съ хорошими чертами характера алтайцевъ стоитъ и отталкивающія, которыя впрочемъ могутъ быть обуславливаемы дикостью и грубымъ невѣжествомъ ихъ. Поразительное неряшество, нечистоплотность—отличительная черта алтайцевъ всякаго пола и возраста; невообразимая грязь и вонь составляютъ неотъемлемую принадлежность всякой юрты, бѣдной и богатой; мужчины и женщины никогда не моются, даже думаютъ, что это вредно и приноситъ несчастье. Безпечная праздность, грубое пьянство и жестокое обращеніе съ женщинами—главные пороки мужчинъ-инородцевъ.

Языкъ алтайскихъ инородцевъ, въ основѣ тюркскій, въ нѣкоторыхъ свойствахъ склоняется къ киргизскому и заключаетъ много словъ монгольскихъ. Такая смѣсь, вѣроятно, произошла отъ того, что предки нынѣшнихъ алтайцевъ составляли собою множество племенъ, находившихся въ постоянныхъ связяхъ, — то дружественныхъ, то враждебныхъ, съ разными кочующими племенами. Въ языкѣ алтайцевъ можно различить два нарѣчїя: сѣверное и южное. Южнымъ нарѣчїемъ говорятъ алтайскіе и чуйскіе калмыки, телесы, телеуты и кочующіе близъ Телецкаго озера черневые татары; сѣвернымъ нарѣчїемъ говорятъ остальные черневые татары и кумандинцы. Впрочемъ у всѣхъ племенъ, въ каждой волости есть нѣкоторые особенности въ языкѣ, но онѣ незначительны, такъ что знающему два главныхъ нарѣчїя можно свободно объясняться со всѣми алтайскими инородцами.

(Продолженіе будетъ).

СОДЕРЖАНІЕ: I. Природа и населеніе Алтая (продолженіе) **АЛТАЙ**

Редакторъ М. Соловьевъ.

Цензоръ А. Голубевъ.

Дозв. ценз. 5 Сентября 1890 г.

Томскъ. Типо-Литогр. Михайлова и Макушина.